

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу

Лю Ши

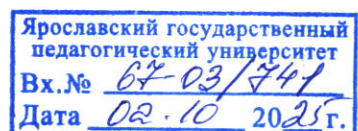
«Образы эмиграции и эмигрантов в русской литературе 1920–40-х гг.»,

представленную на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и
литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

Диссертация Лю Ши посвящена исследованию **актуальной** и значимой **проблематики**. Вопросу об образах эмиграции и эмигрантов в русской литературе в целом уже уделялось внимание в научной литературе, но, вместе с тем, изучение данной темы является отнюдь не полным, и данное исследование восполняет этот пробел.

Использованный диссертантом материал – литературные и публицистические произведения советских писателей, а также западноевропейского (подробно) и дальневосточного (в меньшей степени) зарубежья, подвергается литературоведческой рефлексии на протяжении уже многих лет, но конкретизация проблемы и осмысление художественной рецепции феномена эмиграции и эмигрантов в литературе и публицистике остаются постоянно **актуальными** составляющими повестки историко-литературных исследований.

Данная работа, как мне представляется, убедительно подтверждает непреходящую значимость имагологических проблем – в описании представлений русской культуры о *своем/чужом*, о том, как *свое* превращается в *чужое*, когда пересекается граница и буквально, и метафорически. Эмигранты описывают себя не так, как потерявшая их родина, их литературное и жизненное пространство кардинально другое. А взгляд, продиктованный властью советской России, как будто смотрит в кривое зеркало. Между тем основой **теоретико-методологической базы** исследования, как указывает автор работы, является «концепция единства русской литературы 1920–1940-х гг., включающей советский и эмигрантский текст (Д.Д. Николаев) и социокультурного ракурса при анализе литературного

процесса, предлагаемого М.О. Чудаковой» (с. 10). Вот эти накладывающиеся друг на друга полюса, противоположные, но волей или неволей связанные, эти нескончаемые противоречия и составляют суть проблемы, изучаемой Лю Ши.

Наиболее аналитически проработанным в диссертации видится комплекс особенностей исследуемых текстов, найденных в архивах (литературно-художественный альманах «Рубеж» за 1928–1945 годы), составление на основе «Рубежа» «хронологической и жанрово-тематической описи публикаций, посвященных образу самовосприятия дальневосточной эмиграции» (с. 13), введение в научный оборот новых фактов из истории литературы дальневосточной эмиграции 1920–1940-х гг. Это свидетельствует о высоком **научно-методологическом** потенциале исследования.

Обозначу основные результаты, полученные соискателем **лично** в аспекте их научной **новизны** и **методологической значимости**.

В **первой главе** диссертации «Исторический, этнокультурный, социокультурный, политический контекст формирования образов эмиграции и эмигрантов в русской литературе XVI – первой половины XX в.» осмысливается формирование понятий *эмиграция/эмигрант* в русской языковой и этнической картине мира, при этом немаловажную роль здесь играет историко-политический контекст. Лю Ши затрагивает представления об эмиграции в русском языковом и культурном сознании с XVI по первые десятилетия XX в., используя словари и литературные тексты. Другой стороной проблемы становится образ самовосприятия русской эмиграции 1920–1940-х гг., когда сами эмигранты говорят о настоящей России, спасенной ими в других странах от большевиков. Диссертант цитирует известное высказывание Романа Гуля: мы «унесли Россию на подошвах своих сапог». Хотелось бы вспомнить и близкую формулировку И.А. Бунина: «Россию, наше русское естество мы унесли с собой, и где бы мы ни были, мы не можем не чувствовать ее».

В то же время можно отметить и точку зрения, принадлежащую известнейшим западным эмигрантам, о том, что «России больше нет»:

Россия тишина. Россия прах.
А, может быть, Россия — только страх.
Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.
Веревка, пуля, каторжный рассвет
Над тем, чему названья в мире нет.

(Г. Иванов)

Образы западной эмиграции и эмигрантов в советской литературе 1920–40-х гг. рассмотрены Лю Ши **во второй главе** работы. Этапы формирования данного образа в советской литературе отражают, по мнению диссертанта, как официальную идеологическую установку по отношению к эмиграции, так и этапы складывания литературы «соцреалистического канона» (Е. Добренко).

Рефлексируя над проблемами эмиграции, В.Б. Шкловский выделяет, как указывает Лю Ши, «компромиссный» этап формирования образа эмиграции в «письмах не о любви» «Zoo, или Третья Элоиза». Проблема утраты родины, потери вдохновения – вот очевидные черты эмигрантского сообщества. И параллель с берлинским зоопарком кажется особенно трагической.

Г. Адамович создал вполне узнаваемый образ самоощущения русского эмигранта:

Когда мы в Россию вернёмся... о, Гамлет восточный, когда? –
Пешком, по размытым дорогам, в стоградусные холода,
Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов, пешком,
Но только наверное знать бы, что вовремя мы добредём.

Однако А.Н. Толстым эмигранты воспринимаются совсем по-другому. Автор исследования описывает, как писатель, добиваясь негативной оценки эмиграции в общественном сознании советских людей, использует различные способы изображения: от «испытания» жанрами («В Париже» – рассказ с элегической тональностью, «На острове Халки» – политическая новелла, «Похождения Невзорова, или Ибикус» – фантасмагория, «Эмигранты» – политический детектив с памфлетным уклоном) до иронии и откровенной сатиры.

В пьесе М.А. Булгакова «Бег» Лю Ши отмечает сочетание трагического и комического в изображении эмиграции – белых офицеров, приват-доцента, петербургской дамы, чиновника. Любопытно, что из двух вариантов финала «Бега» диссертант

выбирает первый, подчеркивая, что он «отражает в наиболее чистом виде восприятие эмиграции искренним, не ангажированным и вдобавок – настроенным изначально демократически писателем» (с. 75). Впрочем, можно было бы учесть и альтернативную редакцию, безусловно, менее искреннюю, соответствующую в какой-то мере цензурным требованиям, поскольку идеологическая подоплека, как я понимаю, важна для диссертанта, а она свидетельствует о том, что приходилось переживать писателям советской России.

Немалой заслугой Лю Ши является анализ образов дальневосточной эмиграции, предпринятый **в третьей главе** работы «Формирование образов дальневосточной эмиграции и эмигрантов в русской литературе 1920–40-х гг.». В первом параграфе главы рассматриваются художественно-этнографические очерки Я.М. Окунева и брошюра журналиста Е. Полевого «По ту сторону китайской границы. Белый Харбин». Исследование диссертанта выявляет взгляд советских писателей, который концентрируется на Харбине и харбинцах, взгляд, нивелирующий этнические характеристики, оставляющий «на периферии пространственные смыслы, на первый план вынесены политическая и социальная оппозиции “СССР/маньчжурский тупик”, “советское/несоветское”, “белые офицеры, обыватели/(советские и китайские) рабочие” [Забияко, Лю Ши, 2024, с. 174–192]» (с. 104). Гротескная интерпретация становится ведущим приемом Окунева и Полевого.

Образы самовосприятия дальневосточной эмиграции Лю Ши прослеживает на материале лирики «восточной ветви». Диссертант объясняет свой выбор тем, что именно «лирика определяет развитие литературного процесса в дальневосточном зарубежье» (с. 105), а «краткая форма стихотворения как “сложно построенного смысла” (Ю.М. Лотман) в сгущенной и зачастую афористической форме позволяет максимально емко выразить концептуальные установки его автора» (с. 105).

Используя контент-анализ и статистический анализ, изучая пространственные, социальные, политические и этнические смыслы, определяющие понятие эмигрант в творчестве поэтов старшего и младшего поколения (Н. Алл, А. Несмелов, А. Ачаир, Л. Ещин, М. Колосова, Н. Щеголев, Л. Хаиндрова, В. Перелешин, Н. Светлов и

др.) по антологии «Русская поэзия Китая», автор исследования приходит к ряду содержательных выводов: «более половины поэтов-изгнанников практически не обращались к рефлексии своей эмигрантской участи» (с. 107), в большинстве случаев «политический компонент уступает место пространственному, этническому и религиозному» (с. 120), эмиграция обретает символические черты рубежа между *своей/чужой* землей; прошлой жизнью/старостью, смертью в эмиграции.

Сам образ эмигранта как человека, ушедшего в иной мир, то есть умершего для мира прежнего, достаточно интересен в плане анализа. Вспоминается трактовка отъезда Свидригайлова в Америку как метафора смерти. В связи с этим возникает *вопрос*: можно ли увидеть в творчестве дальневосточных поэтов подобные образы, переживал ли кто из старших (или, возможно, младших) эмигрантов пребывание на чужой земле как погружение в мир мертвых?

С другой стороны, Лю Ши пишет о том, что для многих молодых эмигрантов Китай воспринимается как вторая Родина, и бипатриотический настрой становится отличительной характеристикой образа самовосприятия дальневосточной эмигрантской молодежи.

Диссертант также отмечает, что младшие эмигранты использовали образы старших при описании своей судьбы: изгнанница, беженец, бродяга, странник, калика переходжий, землепроходцы. Хотелось бы *уточнить* у диссертанта, связаны ли данные образы (и как) с почти хрестоматийной формулировкой М. Щербакова:

Улисса дом манит во мраке
И Пенелопа за станком, –
Мы, Одиссеи без Итаки,
Каким прельстимся маяком?

Отмеченные **актуальность** темы и **научная продуктивность ее реализации**, как представляется, сообщили работе Лю Ши очевидную концептуальную убедительность, обусловили четкость целеполагания и объективную обоснованность выдвинутой в диссертации **гипотезы** о том, что «художественные образы эмиграции и эмигрантов (и самовосприятия эмиграции и эмигрантов) в русской литературе 1920–1940-х гг. определены общими базовыми

представлениями русской культуры о «своем/чужом»... а в родо-жанровом и жанрово-стилистическом аспекте обусловлены социально-культурным и художественно-эстетическим контекстом литературного процесса указанного периода» (с. 12).

Тщательно **обоснованными** и **верифицированными** пространственными аналитическими аргументами и опорой на авторитетные историко-литературные и теоретические исследования предстают **основные положения** работы, что свидетельствует о **достоверности и новизне результатов** и о **высоком личном вкладе автора**. О том же свидетельствует достойная **апробация** работы и многочисленные публикации Лю Ши.

Концептуальные положения и результаты работы имеют **практическую ценность**, поскольку они могут быть использованы как материал для учебных пособий и лекционных занятий по литературе русского зарубежья, при проведении практических занятий, литературных факультативов в старших классах средней школы с гуманитарным уклоном, а также при разработке учебных и методических пособий.

Диссертационное исследование Лю Ши вызывает много раздумий над поставленными проблемами и их дальнейшим развитием-разрешением уже на новом материале. Хотелось бы услышать на защите ответы на уже предложенные дискуссионные вопросы и замечания, а также уточнить еще некоторые возникшие вопросы:

– Какая базовая установка русского этнического сознания лежит в основе образов восприятия эмиграции и эмигрантов, отраженных в русской литературе 1920–40-х гг.? Является ли она константой для последующих рецепций эмиграции? Как соотносятся выявленные диссертантом установки с китайским отношением к эмиграции и эмигрантам?

Количество и качество проделанной работы, ее стиль, изложение результатов на 183 стр., адекватное представление текста в автореферате и 13-ти публикациях – все это позволяет утверждать, что диссертация Лю Ши является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной задачи, важной для литературоведения;

характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, **отвечает требованиям п. 9, п. 10, п. 11, п. 12, п. 13, п. 14** Положения о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, в действующей редакции с изменениями и дополнениями), а ее автор – **Лю Ши заслуживает** присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук по специальности
10.01.01 Русская литература,
доцент, ведущий научный сотрудник
сектора литературоведения
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Институт филологии
Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН),
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,
тел./факс: (383) 330-15-18,
<http://www.philology.nsc.ru/index.php>
e-mail: ifl@philology.nsc.ru
Куликова

Елена Юрьевна

Против включения персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Подпись Е.Ю. Куликовой заверяю.

Начальник отдела кадров
ИФЛ СО РАН

22.09.2025

Э. Б. Зульфигарова